

Виват, Елисавет! (императрица Елизавета Петровна – Алексей Шубин)

Автор:

[Елена Арсеньева](#)

Виват, Елисавет! (императрица Елизавета Петровна – Алексей Шубин)

Елена Арсеньева

Любовь у подножия трона

«Подпоручик Семеновского полка Булгаков смотрел на зеленую травяную гладь, расстилающуюся у подножия горы, наверху которой слабо курился дымок, и прощался с должностью. А может быть, и с жизнью.

Нет, голову ему на плахе не снесут, ибо императрица Елизавета, вступая на престол, поклялась никого головы не лишать и слово свое покуда держала, но ведь с человеком можно расправиться и иным способом, не обязательно топором палача. Можно, к примеру, сослать его на вечное поселение вот в этакую глушь, куда не только Макар телят не гонял, но где про телят и вовсе не слышали...»

Елена Арсеньева

Виват, Елисавет!

Подпоручик Семеновского полка Булгаков смотрел на зеленую травяную гладь, расстилающуюся у подножия горы, наверху которой слабо курился дымок, и прощался с должностью. А может быть, и с жизнью.

Нет, голову ему на плахе не снесут, ибо императрица Елизавета, вступая на престол, поклялась никого головы не лишать и слово свое покуда держала, но

ведь с человеком можно расправиться и иным способом, не обязательно топором палача. Можно, к примеру, сослать его на вечное поселение вот в этакую глушь, куда не только Макар телят не гонял, но где про телят и вовсе не слыхали.

Коров здесь нет, только олени. Младенцы их зовутся, конечно, оленята. Гору здесь именуют не горой, а сопкою. Небось потому, что она дымом сопит. А впрочем, черт его знает, почему! Домов человеческих здесь раз и обчелся, только те, что солдатики для себя построили. А прочий народишко, даже и ссыльный, живет на манер тутошних обитателей, туземцев, – в неких сооружениях из оленьих шкур, набросанных на шесты. Жилище сие именовалось «чум», и подпоручик Булгаков вдруг задумался: нет ли в сем слове общности со словом «чума»? Ей-пра, что то, что другое равно страшно для обыкновенного человека, не рожденного в сей невообразимо далекой земле, называемой Камчатка, а сосланного сюда – пусть даже и за преступления действительные.

А каково пострадавшему безвинно?.. Можно ли вообще тут выжить? И кто знает, жив ли тот человек, коего он, подпоручик Семеновского полка Булгаков, вот уж третий год пытается разыскать по всем острогам земли русской? Поиски его безуспешны, и все чаще приходит в голову, что нет больше на свете той победной головушки, на кою свалилось сначала счастье великое, а потом столь же великая беда...

Ни одного упоминания его имени и его участи в бумагах всех тех острогов, где побывал в его поисках Булгаков. Ни одного отклика на призыв:

– Кто здесь бывший лейб-прапорщик Алексей Шубин?

Полная тишина и безвестность! На это обрекла его бывшая императрица Анна Иоанновна, пусть ее черти дерут в аду, прости, Господи!

Булгаков при упоминании черта даже не перекрестился – за время своих затянувшихся поисков столько раз поминал нечистого, что рука отвалится, если будешь непрестанно крестами обмахиваться.

Главное дело, имя Шубина было неизвестно даже в канцелярии сибирского губернатора. Кое-как удалось выяснить, что ордер об аресте и ссылке выписывал генерал-фельдмаршал Бурхард-Христоф Миних, сам уже несколько лет отбывающий ссылку в Пелыме. К нему был спешно отправлен курьер, и

Миних, выговорив себе некоторые послабления и увеличение содержания, указал-таки место, куда он (по приказу самой императрицы Анны Иоанновны) заслал бедного прапорщика. Где-то на Камчатке.

Но где именно, об этом не ведал даже Миних.

«Шубин, Шубин... – мысленно твердил Булгаков словно заклинание. – Где ж ты, Алексей Шубин?! Конечно, ты был разжалован, тебе было запрещено называться собственным именем, ты путешествовал от острога к острогу, от пересылки к пересылке под немыслимыми кличками, но почему не отзываешься, когда тебя выкликают на всю Россию?! Не значит ли это, что тебя и впрямь можно отыскать не на этом свете, а уже на том?»

Булгаков отвернулся от прекрасной долины, на зеленой глади коей отдыхал его взор, словно на поверхности моря, и с тоской поглядел на толпу народа, стоявшего в некоем подобии строя.

Мать честная, ну и рожи... И ведь каждый из них когда-то был человеком!

Чуть поодаль столпились узкоглазые бабы с таковыми же ребятишками. Кошмарная картина! А впрочем, нет, у малышни проглядывает в лицах нечто русское. Ведь эти болдыри[1 - В старину так называли людей от смешанных браков русского человека и представителя какого-либо туземного азиатского племени.] порождены ссыльными в сожителстве с камчадалками.

Бр-р!.. Булгаков содрогнулся. Только в самом страшном сне решился бы спать с такой узкоглазю!..

А разве жизнь здесь не похожа на самый страшный сон? Нет, еще неизвестно, как ты сам повел бы себя, подпоручик Семеновского полка, когда бы этой вот далекой землей был положен предел всем твоим мечтаниям и надеждам, предел самой жизни и всему человеческому, что еще оставалось в тебе.

Неизвестно, каким стал бы ты. А потому – погоди судить! Не за этим тебя сюда прислали.

Булгаков мрачно кивнул сам себе.

Все, дальше ехать некуда. И в самом деле – некуда! Если и здесь, в земле Камчатке, нету Шубина, придется возвращаться несолоно хлебавши. Ох, не пожалует его своей милостью матушка-императрица. А самой-то ей какво будет проститься с последней надеждою разыскать былую любовь? Ведь когда они повстречались с Алексеем Шубиным, она была всеми забытой, прозябавшей в безвестности царевной Елисавет, и представить ее взошедшей на престол было немислимо!..

Что?

Булгакова даже шатнуло от внезапно поразившей его догадки. Немислимо, немислимо... а и впрямь! Шубин-то и помыслить не может, что его давняя возлюбленная теперь самодержица-императрица! Здесь и осторожное начальство о смене власти не ведало – что ж говорить о ссыльных поселенцах? А ну коли Шубин молчит, не отзывается лишь потому, что не хочет навлекать на свою многострадальную головушку новых гонений?

Надо попробовать... Попытка-то ведь не пытка!

Подпоручик Семеновского полка Булгаков выпрямился во весь свой немалый рост, развернул плечи – и гаркнул во всю глотку, как на параде:

– Виват, наша новая императрица Елизавета Петровна! Многая ей лета-а!

Тихо стало – ну, ей-пра, слышно, как ветерок, что налетел с моря, гладит шелковую траву.

Потом раздалась разноголосица приветствий и криков «ура». Каждый из этих несчастных чаял облегчения своей участи с восхождением на престол новой государыни, тем паче не какой-то там курляндской выскочки, а природной дочери самого Петра. Законной русской императрицы!

Булгаков вслушивался в нестройные выкрики и вглядывался в задубевшие от ветра и солнца лица. Сказывали, Шубин был некогда отчаянно красив, но сколько ж воды с тех пор утекло!.. Разве узнаешь его?

И, перекрывая разноголосицу, Булгаков опять гаркнул:

– Виват, Елисавет! Именем императрицы Елизаветы Петровны – отзовись, лейб-прапорщик Алексей Шубин!

Люди заволновались, принялись переглядываться недоверчиво. Неужто нет среди них такого?

Булгаков смотрел, затаив дыхание. Наконец не выдержал, снова воззвал:

– Виват, Елисавет!..

И осекся. Раздвинув впереди стоявших, из задних рядов выдвинулся седой человек. Распрямил согнутые плечи, и сразу стало видно, что некогда пролегала меж ними та самая косая сажень, которая делает человека статным и неколебимым богатырем.

– Я Алексей Шубин.

Подпоручик Семеновского полка Булгаков провел рукой по глазам.

Да, сказывали, Шубин был некогда отчаянно красив...

* * *

А ведь и в самом деле – не было краше его среди всех семеновских лейб-гвардейцев, и лишь только Елисавет взглянула на него, как ощутила то самое трепыханье сердечное, которое вещало: где-то близко любовь!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

В старину так называли людей от смешанных браков русского человека и представителя какого-либо туземного азиатского племени.

Купить: <https://tellnovel.com/elena-arseneva/vivat-elisavet-imperatrice-elizaveta-petrovna-aleksey-shubin>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)